

УДК 94(571.65-2).084.6

К ПРОБЛЕМЕ ОСНОВАНИЯ ГОРОДА МАГАДАНА*

Хаховская Л. Н.

*ФГБУН Северо-Восточный комплексный научно-исследовательский институт
им. Н. А. Шило ДВО РАН, г. Магадан
E-mail: hahovskaya@gmail.com*

Рассмотрены узловые события основания города Магадана. В теоретическом плане автор опирается на историю повседневности и концепт «месторазвитие». Прослежена деятельность организаций и персоналий, связанных с возникновением на берегу бухты Нагаева первого поселения. Раскрыты политические мотивы создания и ликвидации местных структур – Восточно-Эвенской (Нагаевской) культбазы, Ольско-Сеймчанского района, Охотско-Эвенского национального округа. Описана деятельность треста «Дальстрой» по развитию городской инфраструктуры. Фактически Магадан обрел городской облик не позднее середины 1930-х гг. Однако официальное признание городского статуса наступило лишь в 1939 г., что было следствием политической борьбы за контроль над Охотско-Колымским краем. Автор приходит к выводу, что акт присвоения Магадану статуса города стал элементом политической воли, а не результатом закономерного развития. Наиболее легитимной точкой отсчета основания Магадана является «первый забитый колышек» в месте его современного расположения.

Ключевые слова: город Магадан, дата основания, бухта Нагаева, Восточно-Эвенская (Нагаевская) культбаза, Ольско-Сеймчанский район, Охотско-Эвенский национальный округ, трест «Дальстрой», политическая борьба.

DOI: 10.34078/1814-0998-2023-1-97-105

ВВЕДЕНИЕ

Современный город Магадан расположен на северном побережье Охотского моря, на перешейке п-ова Старицкого, по обе стороны которого находятся бухты Нагаева (с запада) и Гертнера (с востока). Город пересекает р. Магаданка (первоначально р. Магадан), впадающая в бух. Гертнера. Основная часть строений находится на берегу бух. Нагаева и правом берегу р. Магаданка. Основание и строительство города относится к новейшему времени, и, казалось бы, у профессиональных историков и более широкой аудитории не должно быть разногласий по поводу даты его возникновения. Однако это не так. Длительное время в качестве точки отсчета служила дата присвоения Магадану статуса города (14 июля 1939 г.), что являлось отражением длительного господства в историографии событий официальных, источником которых были высшие органы власти. Процессы, происходившие на более низких институциональных уровнях, находились в их тени. В последние же десятилетия в гумани-

тарной науке произошел пересмотр многих подходов и концепций, в результате которого более пристальное внимание обращается на низовую историю и повседневную событийность, субъектами которых становятся обычные, рядовые люди и их группы, местные организации и структуры (Кром, 2003).

В свете такого подхода первоначальная история Магадана предстает как совокупность сложных и многоплановых процессов, происходивших и в «коридорах власти» разного уровня, и «на земле». Дата его основания уже не выглядит столь однозначной. Становится очевидным, что из локальной истории выпала целая эпоха, так как Магадан возник и развился в населенный пункт с городским обликом гораздо раньше, нежели было принято решение о его статусе. Более того, само это решение состоялось не столько как результат «городских» инфраструктурных и демографических процессов, сколько как итог борьбы за влияние в высших эшелонах власти. Поэтому мы полагаем, что Магадан мог обрести городской статус гораздо раньше, но этого не произошло именно вследствие ряда политических и организационных решений, установок

и мотиваций. Это наше убеждение подкрепляет также история другого населенного пункта – г. Хибиногорск, судьба которого удивительно похожа на магаданскую и совпадает с ней даже в деталях. Материал об этом городе-двойнике приведен в заключительной части статьи. В данных конкретных случаях можно говорить о том, что акт присвоения статуса города – это элемент политической воли, а не результат закономерного развития, тогда как события, условно обозначаемые как «первый забитый колышек», свободны от подобного произвола.

Целью данной статьи является рассмотрение узловых событий основания г. Магадана, проследивание деятельности связанных с ней структур, организаций и персоналий. Также мы стремимся выявить содержание и контекст различных этапов движения во времени данной локации, по отношению к которой можно применить фундаментальное понятие евразийского учения – месторазвитие. Месторазвитие подразумевает неразрывное сопряжение географического положения и культурно-исторической среды (Сутормин, 2014). Это именно тот случай, когда география определяла историческую судьбу места и населяющих его людей, начиная с древности.

Время абorigineнов. Археологические исследования на территории Примагаданы в разное время проводили А. П. Окладников, Р. С. Васильевский, А. И. Лебединцев, С. Б. Слободин, А. А. Орехов, А. А. Прут. Следы обитания древних людей обнаружены в следующих пунктах п-ова Старицкого: бух. Веселая (9 стоянок), бух. Нагаева (3 стоянки), бух. Светлая (2 стоянки), бух. Батарейная (3 стоянки), м. Восточный (Прут и др., 2006). Установлено, что наиболее древние стоянки относятся к неолиту и связаны с культурой континентальных охотников, которые, по всей вероятности, только начали выходить на побережье. Более поздние местонахождения оставлены уже береговыми жителями – носителями токаревской и древнекоряжской археологических культур. Токаревы занимались охотой на морских животных, прибрежным собирательством и рыбной ловлей. Также они охотились на сухопутную дичь, при этом охота была сезонной или носила спорадический характер.

Токаревская культура датируется периодом VIII в. до н. э. – V в. н. э. Она является наиболее древней приморской культурой северной части Охотского моря, в том числе рассматриваемой территории современного Магадана. На традициях токаревской культуры в V в. н. э. формируется древнекоряжская культура, которая существовала вплоть до XVII в. и исчезла в связи с появлением на Охотском побережье кочевых тунгусоязычных этнических групп (предков современных эвенов). Обитателями токаревских и древнекоряжских стоянок являлись оседлые морские зверобой, имеющие этническую и культурную пре-

емственность с оседлыми коряками, известными уже в этнографическое время (т. е. со второй половины XVII в.). Однако этническая группа оседлых коряков на территории будущей Магаданской области перестает существовать вследствие ее вытеснения тунгусоязычными группами и ассимиляции со стороны русских. В последнем случае оседлые коряки вошли в состав метисированного старожильского русскоязычного населения, известного под названием камчадалы (охотские). Поэтому между древними обитателями бухт п-ова Старицкого и коренными малочисленными народами Севера, ныне проживающими на территории Магадана, прямая этническая связь в контексте месторазвития прослеживается преимущественно в части этнической группы давно ассимилированных камчадалов, тогда как современные представители коряков являются потомками оленеводческих групп и возвратными переселенцами со стороны Камчатки.

В этнографическое время постоянные поселения на территории современного города Магадан не зафиксированы. Однако имеются сведения о существовании небольших сезонных стоянок тунгусоязычных жителей, обитаемых несколько месяцев в году. Геологи В. А. Цареградский и Д. Н. Казанли с проводниками и рабочими в августе 1928 г. видели в бух. Гертнера, при впадении в нее р. Магаданка, несколько эвенских жилищ (в их терминологии чумов), сооруженных, вероятно, из наносного леса (Цареградский, 1980. С. 67–69). По одной из версий, наименование «Магадан» этимологизируется из эвенского языка именно как «жилище из плавника» (Леонтьев, Новикова, 1989. С. 239; Магадан..., 1989. С. 11). Таким образом, в первой четверти XX в. несколько эвенских семей селились здесь в период рунного хода лососей (июль – сентябрь).

Геолог И. И. Галченко на основании устных преданий опубликовал данные о постоянном проживании в течение ряда лет (по-видимому, также в первой четверти XX в.) в устье р. Магаданка «бедного эвена» Магды с семьей (Галченко, 1963. С. 9, 10). По данным этнографа У. Г. Поповой, неустановленное место вблизи или на территории современного Магадана являлось одним из пунктов сезонного сбора кочевых эвенов. Такие пункты, называемые по-эвенски «дзялбу» (братство), располагались в различных местностях Охотского побережья. Сборы кочевников в них были краткими, после непродолжительной встречи семьи рассредоточивались по побережью в целях добычи рыбы. При этом эвены стремились расселиться на богатых рыбой реках, а таких в черте современного г. Магадан нет. Большую же часть года эвены проводили в континентальных районах, занимаясь охотой и транспортным оленеводством (Попова, 1981. С. 175).

Председатель Ольского ревкома в 1924–1926 гг. А. А. Кочеров вспоминал: «В устье реки

Магаданки, на месте теперешнего рыбзавода, стояли две летние юрты эвенов Даниила Абрамова и Кирика Трифонова. Во время хода кеты и горбуши они заготавливали здесь себе на зиму юколу и порсу (рыбную муку). Осенью они охотились на морского зверя в бухте Гертнера. Зверя во время отлива на лежбищах били палками. С наступлением зимы Абрамов и Трифонов откочевывали вверх по реке Дукче на Хасын и Армань, где охотились на пушиного зверя. На теперешней территории Магадана и Дома инвалидов зимой выпасал свое небольшое стадо оленей Гавриил Зыбин. Иногда он оставался на лето в долине реки Дукчи, где почти все лето держался лед от зимних наледей» (Кочеров, 1959. С. 106).

Сведения очевидцев совпадают с официальными данными. Приполярная перепись населения северных районов СССР, проводимая в 1926–1927 гг., зафиксировала в устье р. Магаданка лишь четырех ламутов (эвенов), тогда как в бух. Нагаева обитателей не было вовсе (Козлов, 2007. С. 12). Таким образом, вплоть до 1929 г. рассматриваемая местность не была обитаема постоянно. Кочевое тунгусоязычное население (эвены) возводило сезонные переносные жилища (юрты) для занятий рыболовством в летнее время. Эти жилища были немногочисленны, располагались они преимущественно в бух. Гертнера. Непривлекательность данной местности для кочевых и оседлых жителей подчеркивал В. А. Цареградский (1980. С. 69). Условия для возникновения городской поселенческой среды в рассматриваемом месторазвитии появились лишь в советское время, а первоначальный импульс оказался в равной мере связанным с промышленным освоением недр края и с социалистическим преобразованием культуры и быта коренных народов региона.

Время культбазы. Национальная политика Советского государства была нацелена на быструю политическую и социально-экономическую интеграцию аборигенов в общесоюзную культуру, расселение их в стационарных населенных пунктах и вовлечение в колхозное строительство. В 1924 г. при Президиуме ВЦИК создан Комитет содействия народностям северных окраин (Комитет Севера). Важная инициатива Комитета Севера по освоению окраин состояла в организации культурных баз (культбаз). Они должны были заниматься всеми сторонами жизни аборигенов – учить, лечить, поднимать экономику и уровень жизни. Вскоре начался выбор мест под будущие культбазы, и этот выбор не был свободен от противоречий. С одной стороны, для эффективной работы культбазы должны были быть приближены к местному населению. С другой – существовала негласная установка на самодостаточность и самостоятельность этих структур. Культбазам предписывалось начинать работу с «чистого листа»,

дистанцируясь от органов местной власти, с которыми у культбазовцев зачастую возникали конфликты. Так что некоторые культбазы на Крайнем Северо-Востоке действительно строились, что называется, в чистом поле. Таким образом, назначение культбаз для обслуживания исключительно коренного населения в целом ряде случаев (например, Чаунская и Чукотская (Лаврентьевская) культбазы) изначально оказалось под вопросом вследствие их нахождения вне мест проживания аборигенов (Хаховская, 2018. С. 301). В итоге «культбазовский» метод управления этническими процессами оказался малоэффективным, что стало одной из причин их скорой ликвидации.

Не избежал этой коллизии и заместитель председателя Дальневосточного Комитета Севера К. Я. Лукс, уполномоченный выбрать место для строительства Восточно-Эвенской (впоследствии Нагаевской) культбазы. С этой целью в сентябре 1928 г. на пароходе «Симферополь» он прибыл в бух. Нагаева (Историческая..., 1975. С. 66). Берега бухты были необитаемы, оседлые коренные жители здесь не проживали. Ближайшие тунгусоязычные кочевники в этот период также обходили эти места: *«указанные тунгусы обитают в районе селения Армань и постоянно занимаются рыбной ловлей в реке Армань совместно с оседлыми тунгусами»* [Государственный архив Магаданской области (далее – ГАМО), ф. Р-17, оп. 1, д. 105, л. 97]. Органы местной власти дислоцировались в селении Ола, где находился райисполком и другие советские, партийные и хозяйственные структуры. Кроме того, Ола была центром тяготения одной из локальных группировок эвенов. Выбор К. Я. Лукса все же пал не на относительно обжитые места, а на полностью необитаемый нагаевский берег. При этом мотивацией выбора послужило не стремление избежать тесных контактов с партийными и советскими сотрудниками, а осознание масштабных перспектив этого места вследствие его уникального географического расположения и логистических возможностей.

Известно, что К. Я. Лукс встречался с геологом Цареградским, который советовал ему в качестве места расположения будущей культбазы бух. Нагаева. Аргументы В. А. Цареградского заключались в следующем: *«... главное, что меня побудило усиленно рекомендовать это место Комитету Севера, – это уже сложившаяся к тому времени твердая уверенность в богатствах края. Бухта Нагаева казалась мне именно тем местом, откуда в глубь края пойдет на сотни километров конная дорога. Представители Комитета Севера приняли предложение об избрании бухты Нагаева для строительства здесь культбазы. Вскоре в бухте были построены школа, интернат и другие культурные учреждения для орочей»* (Чуксина, 1966. С. 51).

Действительно, в отчете председателю Комитета Севера П. Г. Смидовичу от 29 октября 1928 г. К. Я. Лукс привел именно те доводы, которые он мог узнать от Цареградского: *«Эта бухта расположена почти в центральном пункте всех эвенских туземных районов Охотского побережья. Это единственный центр для всего Охотского моря и отсюда же, несомненно, пойдёт вся работа по снабжению пока нашуемившего Среднекана, а потом и всего Верхне-Колымского золотопромышленного района. В навигационном отношении бухта Нагаева – лучший естественный порт всего Охотского моря (и почти единственный)»* (Фетисов, 1974. С. 25; Козлов, 1988а. С. 5).

Относительно своей задачи Лукс контактировал и с советскими сотрудниками: он обратился за консультацией к председателю Ольского райисполкома М. Д. Петрову. Ответственные работники, судя по всему, провели широкое обсуждение этого вопроса. В итоге 13 октября 1928 г. президиум райисполкома констатировал: *«... бухта Нагаева является наилучшим местом во всех отношениях... Постановили: определить местом постройки культбазы и снабженческих баз бухту Нагаева»* (Козлов, 1988б. С. 5). Так две принципиально различные задачи – советская работа среди местного населения и организация базы промышленного освоения края – были слиты воедино и с этого времени реализовывались в комплексе при несомненном приоритете развития золотодобывающей отрасли.

Таким образом, главным критерием выбора стала транспортная доступность для крупных судов, сделавшая бухту «входными воротами» доставки тех ресурсов, которые должны были лечь в основу устраиваемой инфраструктуры и служить проводниками советского влияния на местное население. К. Я. Лукс, как государственный деятель, сделал ставку не на непосредственное соприкосновение культбазы с аборигенами, а на опосредованное влияние, которое позволило бы вовлечь в ее орбиту максимальное число «туземцев». Однако в таком подходе крылся и основной подвох. Нагаевская бухта оказалась максимально удобной не только для культбазы, но и целого ряда других организаций, инстанций и структур, что в конечном счете обусловило перерастание этого первого поселения в полноценный город. Культбазовцам же пришлось вступать в непростые взаимоотношения с этими организациями, в итоге они потерпели фиаско.

Непосредственная подготовка к строительству культбазы началась в феврале 1929 г. в Хабаровске и продолжена во Владивостоке. Здесь были заготовлены срубы многоквартирных строений (администрация, больница, школа, интернат, зооветеринарный пункт, жилые дома), которые предстояло перевезти на север.

22 июня 1929 г. в бух. Нагаева вошел пароход «Генри Ривьер», на котором прибыли администрация и строители, а также строения в разобранном виде. 23 июня 1929 г. началась вырубка леса и возведение первых сооружений культбазы (Чуксина, 1966. С. 52; Магадан..., 1989. С. 9; Козлов, 2002а. С. 7; Козлов, 2007. С. 14). 24 июня 1929 г. об этом составлен акт [ГАМО, ф. Р-7, оп. 1, д. 1, лл. 1–2]. В течение лета 1929 г. под руководством прораба А. А. Навдуща 35 рабочих возвели на берегу бухты все привезенные здания.

Летом 1929 г. берега Нагаевской бухты были еще мало населены и слабо освоены. Но в контексте месторазвития данная локация, без сомнения, получила мощный первоначальный импульс, вызвавший цепную реакцию непрерывного развертывания ее потенциальных возможностей. Уже с открытием следующей навигации культбаза начала быстро обрывать новыми строениями, поселенческая и институциональная структура данного месторазвития многократно усложнилась. Ведущее место принадлежало поисковым, промышленным и транспортным организациям. В 1930–1931 гг. возводятся административные и хозяйственные здания Совторгфлота, Дальсхотсоюза, Добролета, Союззолота, Акционерного Камчатского общества, Ольского кооператива, контрольного пункта Главного и Политического управления, а также многочисленных экспедиций, в том числе Колымской геологоразведочной экспедиции. Таким образом, вокруг культбазы стал расти поселок Нагаево, частью которого становилась и сама культбаза. Одновременно освоение распространилось и на долину р. Магаданка.

В первых числах июля 1930 г. в бух. Нагаева прибыла партия общества «Союззолото», которая образовала Главное Колымское приисковое управление. Это управление располагалось непосредственно на берегах бухты, но сделало заявку на *«всю долину Магадан, что в двух километрах от бухты Нагаева на восток, под застройку подсобных предприятий, конных и скотных дворов, пастбище и покосы»*. К постройке этой базы сотрудники управления приступили 5 июля 1930 г. (Чуксина, 1966. С. 52). Летом 1930 г. они построили на правом берегу Магаданки конную базу, несколько жилых домиков, прорубили просеку до Нагаевской бухты. Летом 1931 г. геологические и дорожные экспедиции, прибывая через бух. Нагаева, из-за тесноты в ней и дефицита пресной воды, также активно осваивали долину р. Магаданка. Таким образом, в непосредственной близости (2–3 км) от поселения Нагаево с 1930 г. формируется еще одна стационарная поселенческая локация под общепринятым названием «поселок Магадан» (Цареградский, 1980; Магадан..., 1989; Козлов, 2002а).

В течение 1931 г. в нагаево-магаданской локации обосновались также главное управление золотопромышленной организации «Цветметзолото», управление Морфлота, отделения госбанка, сберегательных касс, управление почты и телеграфа и другие организации. На берегу бух. Нагаева выросли склады, работали локомобили и двигатели внутреннего сгорания, обеспечивавшие население электроэнергией. Одновременно с этим стало ясно, что, как бы Восточно-Эвенская культбаза ни разворачивала работу среди коренного населения Охотского побережья (а определенные успехи у ее работников были), она все больше обслуживала персонал тех организаций, которые обосновывались в бух. Нагаева (Козлов, 2002а. С. 9).

В эти же годы в регионе происходит ряд административно-территориальных преобразований, повлиявших на судьбу Нагаевской культбазы и, как мы полагаем, в числе других причин косвенным образом отсрочивших признание нагаево-магаданского поселения городом. Во-первых, культбаза становится официальным центром Ольско-Сеймчанского района, созданного в 1930 г. по политическим мотивам в качестве реализации этноподдерживающего принципа административного устройства. В первоначальный советский период этот принцип активно отстаивали ведущие деятели Комитета Севера, считавшие, что каждый народ должен обладать отдельной территорией, которая в идеале мыслилась как этнически однородная. Образование района и явило собой образец собирания в укрупненную административную единицу «лоскутных» территорий преимущественного проживания тунгусоязычных эвенов. Сюда вошли «нарезки» от разных субъектов: от Дальневосточного края – Ольский район; от Якутской АССР – часть территории расселения эвенов бассейна Верхней Колымы и ее притоков; от Камчатского округа – восточная часть Пенжинского района, населенная преимущественно эвенами (Советы..., 1979. С. 61–62).

Во-вторых, постановлением ВЦИК РСФСР от 10 декабря 1930 г. создан Охотско-Эвенский округ с официальным центром в селе Охотск, однако фактически окружным центром стала Нагаевская культбаза. Весьма показательно, что по первоначальному плану культбаза не должна была быть связана с округом, так как она не выбрана в качестве его центра, в отличие от других дальневосточных округов (Чукотского и Корякского). В этом решении, по всей видимости, проявилось стремление вышестоящих органов хотя бы частично развести возникавшие на месте очаги власти. Однако этот маневр не удался: руководство округа предпочло обосноваться в быстроразвивающейся Восточно-Эвенской культбазе, а не ехать в заштатный Охотск. Таким образом, бухта Нагаева стала

местом дислокации и культбазы, и руководства округа, и аппарата Ольско-Сеймчанского района. Между этими органами возникла острая конфронтация.

Окружные чиновники, пользуясь более высоким положением в административной иерархии, инициировали ликвидацию культбазы и расформирование района. В течение 1931 г. прошли два этапа расформирования: вначале выделен Северо-Эвенский район с центром в с. Наяхан, а центр урезанного Ольско-Сеймчанского района перенесен в с. Ола. Затем был разукрупнен и Ольско-Сеймчанский район с образованием Ольского и Среднеканского (центры, соответственно, села Ола и Среднекан) [ГАМО, ф. Р-17, оп. 1, д. 211, л. 23].

Получила разрешение и ситуация с культбазой: осенью 1931 г. она была ликвидирована, просуществовав немногим более двух лет – гораздо меньше, чем другие учреждения этого типа на Севере. Все ее активы «унаследовал» округ. В бух. Нагаева обосновались окружные партийные и советские органы, окружная контора правления Интегралсоюза, окружная типография, регулярно выходила окружная газета «Эвенская правда». Казалось бы, окружные власти победили. Но это была временная победа, поскольку на сцену вышел новый игрок, который оказался сильнее всех.

Время Дальстроя. В конце 1920-х гг. началось промышленное освоение Охотско-Колымского края, связанное с деятельностью геологоразведочных экспедиций, обнаруживших в бассейне р. Колыма большие запасы россыпных и рудных золотых месторождений. Осенью 1931 г. прерогатива промышленного освоения края переходит в ведение треста «Дальстрой»¹, созданного постановлением Совета Труда и Оборона СССР от 13 ноября 1931 г. Дальстрой представлял собой квазиадминистративно-территориальное образование: ареал его хозяйствования формально входил в состав Дальневосточного (с 1938 г. Хабаровского) края, однако руководство треста подчинялось напрямую центральным органам и обладало всеми управляющими функциями. Экономическая и административно-территориальная доминанта Дальстроя была нацелена на промышленное освоение золотоносного бассейна Колымы. Открытие здесь крупных месторождений переключило внимание центральных властей на общеэкономические задачи, тогда как вопросы национального строительства отошли на второй план.

В начале 1932 г. три «туземных» района (Северо-Эвенский, Ольский и Среднеканский), официально оставаясь в составе Охотско-Эвен-

¹Государственный трест по промышленному и дорожному строительству в районе Верхней Колымы СТО, с 1938 г. – Главное управление строительства Дальнего Севера НКВД.

ского округа, фактически перешли под управление Дальстроя. Тем самым судьба округа была предreshена. В качестве первой меры, предпринятой руководством Дальстроя по выведению соперника «из игры», был перенос центра округа из бух. Нагаева в Охотск, что, по сути, восстанавливало первоначальный замысел Комитета Севера². Дальнейшая административно-территориальная экспансия выразилась в том, что, спустя менее чем два года, в соответствии с постановлением ВЦИК от 22 июля 1934 г., Охотско-Эвенский национальный округ ликвидируется. Отсюда видно, что политическая мощь Дальстроя была такова, что ему проще было упразднить весь округ, нежели бороться за «отрезание» от него «своих» районов³. Вопросы социально-экономического развития аборигенов перешли в ведение руководства треста.

Очень быстро Дальстрой протер свое влияние на все нагаево-магаданское поселение. Опорная база треста возводилась и на берегах бухты, и в долине Магаданки. Вследствие активного строительства в 1932–1933 гг. населенные пункты территориально сливаются, образуя поселение под официальным названием «поселок Нагаево-Магадан». Согласно отчету Э. П. Берзина, *«строительство Нагаевской базы охватывает не только строительство в бухте Нагаева, но и поселок Магадан, строящийся в 2,5 км от бухты. Устройство этого поселка вызывалось, во-первых, отсутствием воды в Нагаево, во-вторых, более удобными топографическими условиями (долина реки) и, в-третьих, лучшими климатическими условиями. Поэтому именно в поселке Магадан устраиваются и временный административный центр, и основная масса жилых зданий»* (Козлов, 2002а. С.15).

Важнейшими стройками нагаево-магаданской базы в 1933 г. стали морской порт, электростанция, автобаза. Открываются больница, гостиница, дом колхозника, дом инженерно-технических работников. К концу года в поселении насчитывалось 16 стандартных сборно-щитовых домов, 67 рубленых домов, 22 барака, 104 каркасных жилища и прочих мелких построек. Квартал стандартных домов был оборудован центральным отоплением и водопроводом. Вступил в эксплуатацию глинобитный городок (10 домов). Кроме того, начали возводиться первые кирпичные (иначе их называли каменные) многоэтажные производственные и жилые строения. На конец года здесь проживало до 3 тыс. жителей. Как видно из отчета Дальстроя за 1933 г., Нагаево-Магадан приобрел черты населенного пункта городского типа.

²По настоянию руководителей округа центр в конечном счете был перенесен не в Охотск, а в Аян (Козлов, 2007. С. 47).

³Помимо трех перечисленных, в округ входили Охотско-Оймяконский, Аяно-Майский и Тугуро-Чумиканский районы.

Дирекция Дальстроя видела необходимость присвоения поселку статуса города и, по некоторым сведениям, даже намеревалась ходатайствовать об этом (Козлов, 2007. С. 56). Однако, скорее всего, этому делу в то время так и не был дан ход.

С 1934 г. в печатных изданиях и в обиходе появляется обобщенное наименование «Магадан», причем зачастую его называли городом (Магадан..., 1989. С. 30; Козлов, 2002а. С. 24). Выход на первое место этого топонима обусловлен более быстрым развитием именно здешней местности, которая стала административным центром Дальстроя, хотя и временным, что сыграло важную роль в достаточно позднем признании Магадана городом. Действительно, руководство треста выработало перспективный план управления тем обширным регионом, который перешел в его ведение. Суть плана состояла в том, что строящаяся в бух. Нагаева и долине Магаданки база мыслилась как временный центр, а постоянный намечалось построить в непосредственной близости от зоны промышленного освоения – в верхнем течении р. Колыма.

Между тем Магадан развивался стремительными темпами. По утвержденному в 1935 г. плану застройки разбивались улицы, парки, скверы, велось строительство множества административных, производственных и жилых зданий, в том числе кирпичных многоэтажных, просветительных и культурных учреждений. Магадан стал крупнейшим портом на Охотском побережье, через который шло снабжение многочисленных приисков, перевозились массы людей. На рубеже 1934–1935 гг. Магадан становится и «воздушными воротами» Колымы. Быстрыми темпами шло развитие местной промышленности, подсобных предприятий, коммунального хозяйства. К концу 1935 г. население Магадана составило более 12 тыс. чел. С 1935 г. Магадан официально именуется городом в исходящих документах Дальстроя, что, безусловно, отражало фактическое его состояние (Козлов, 2002а. С. 25). Во всяком случае, с августа 1935 г. все приказы, подписываемые Э. П. Берзиным, в верхнем правом углу содержали пометку «г. Магадан» или «гор. Магадан» [ГАМО, ф. Р-23сч, оп. 1, д. 455, л. 1].

Тем не менее в планах Дальстроя Магадан по-прежнему оставался временным административным центром. Приоритет в инвестиционной политике отдавался строительству автомобильной трассы от Магадана, как входной базы освоения, до приисков Верхней Колымы, где должна была располагаться колымская «столица». В апреле 1936 г. утверждается план создания нового административного центра в устье р. Таскан (приток р. Колыма) (Козлов, 1988а. С. 25). Однако попытка приблизить «столицу» региона к районам золотодобычи путем возведения здесь «промышленного города» потерпела неудачу. Строительство шло медленными темпами, а в августе

1939 г., во время крупного наводнения, о. Таскан, на котором уже были заложены здания будущего центра, подвергся сильнейшему разрушению. Дальнейшие действия были признаны нецелесообразными, и центром освоения края остался Магадан.

Ко второй половине 1930-х гг. Магадан превратился в самый крупный и благоустроенный населенный пункт региона, непрерывное развитие которого стимулировал постоянный и все возрастающий приток рабочей силы. Его городской облик был очевиден и для руководства, и для местных жителей, и для многочисленных приезжих. Однако официальное признание наступило много позже и было следствием не прямых, а косвенных событий. В конце 1930-х гг. в органах власти развернулась политическая борьба за контроль над Охотско-Колымским краем, в значительной мере вызванная ослаблением руководящей верхушки треста «Дальстрой» после ареста Берзина.

Согласно административному делению, территория деятельности Дальстроя имела краевое подчинение, но эта принадлежность являлась формальной, тогда как фактическая власть находилась у руководителей треста. Исключительный статус Дальстроя и его прямая подчиненность непосредственно союзным органам не устраивали краевые власти. Стремясь усилить свое влияние, краевой аппарат добивался образования промежуточной инстанции – Колымского округа, который должен был находиться под его прямым контролем. Предложение об организации округа и передаче ему от Дальстроя функций советского строительства было выдвинуто еще весной 1937 г., однако дальше предложений дело тогда не пошло. После создания в 1938 г. Хабаровского края инициатива получила вторую жизнь и увенчалась указом от 14 июля 1939 г. о создании искомого округа. Центром округа определялся Магадан, что автоматически повлекло за собой повышение его статуса до городского ([ГАМО, ф. Р-38, оп. 1, д. 1, л. 7]; Козлов, 2002а. С. 290).

Организация округа с соответствующими властными структурами означала выведение важных управленческих функций из сферы компетенции Дальстроя. В свою очередь, руководство Дальстроя обратилось к еще более высоким инстанциям власти и добилося отмены создания округа. 31 августа 1939 г. вышел новый Указ Президиума Верховного Совета РСФСР, гласивший: «Ликвидировать Колымский округ Хабаровского края» ([ГАМО, ф. Р-38, оп. 1, д. 1, л. 8]; Козлов, 2002б. С. 6, 90). Данный указ ничего не говорил о Магадане, вследствие чего предыдущее решение о его городском статусе осталось в силе. Следовательно, преобразование Магадана в город в 1939 г. стало побочным эффектом нескольких раундов по-

литической борьбы в верхах, тогда как фактически Магадан обрел городской облик гораздо раньше.

Тот факт, что г. Магадан основан в 1929 г., был очевиден для тех, кто принимал непосредственное участие в его зарождении. Так, геолог И. И. Галченко писал: «Магадан – город, растущий с поразительной быстротой. В год своего десятилетия (1939) он насчитывал двадцать семь тысяч жителей. В 1959 году – шестьдесят две тысячи. А сейчас, спустя три года, в городе около семидесяти тысяч жителей» (Галченко, 1963. С. 123). Коренной житель, активист и советский деятель А. А. Кочеров считал, что «в текущем (1959. – Л. Х.) году Магадану, как населенному пункту, исполнилось тридцать и, как городу – двадцать лет» (Кочеров, 1959. С. 109). Геолог С. В. Болдырев отмечал: «Если бы на берегу бухты Нагаева в те дни, когда с борта парохода здесь сходили первые строители города, родился ребенок, он бы сейчас, в 1946 году, учился лишь в шестом классе школы. Так молод город Магадан»⁴ (Болдырев, 1947. С. 113). Этой точки зрения придерживался и наиболее авторитетный региональный историк А. А. Козлов. Он писал: «Восточно-Эвенской культуре история отпущена для работы всего несколько лет, но ее деятельность – это начало Магадана, первые страницы его биографии» (Козлов, 1988б. С. 7).

О правомерности отсчета даты основания города с момента возведения его первых стационарных строений ярко свидетельствует история Хибиногорска (современный город Кировск на Кольском полуострове), начальные этапы которой позволяют видеть в нем город-двойник Магадана. Хибиногорск, как и Магадан, начал строиться летом 1929 г. Весьма показательным, что именно 1929 г. в источниках фигурирует как дата основания Хибиногорска (Кировск [Электрон. ресурс]. URL: <http://smgrf.ru/portfolio/kirovsk-2/>; дата обращения: 14.11.2022). Как и Магадан, он был заложен в качестве базы для освоения природных богатств края. В 1921–1923 гг. в Хибинах в результате геологических изысканий были открыты богатые залежи апатито-нефелиновых руд, для разработки которых был создан трест «Апатит». В качестве опорной базы треста летом 1929 г. был заложен рабочий поселок Хибиногорск. 30 октября 1931 г. он получил статус города окружного подчинения (в составе Мурманского округа) (Кировск (Мурманская область) [Электрон. ресурс]. URL: [https://ru.wikipedia.org/wiki/Кировск_\(Мурманская_область\)#История](https://ru.wikipedia.org/wiki/Кировск_(Мурманская_область)#История); дата обращения: 14.11.2022. Как и Магадан, Хибиногорск начинался с палаток и деревянных срубных домиков. Первые каменные строения здесь по-

⁴В расчеты автора, по-видимому, закралась ошибка, так как в этом случае первые строители сошли на берег лишь в 1933 г. Тем не менее взгляд автора на время основания Магадана очевиден.

явились также в 1933 г. Облик Хибиногорска начала 1930-х гг., судя по фотографиям, был отнюдь не городским (Хибиногорск [Электрон. ресурс]. URL: <http://lexicon.dobrohot.org/index.php/ХИБИНОГОРСК>; дата обращения: 14.11.2022) . Однако это не помешало присвоить населенному пункту статус города ввиду перспектив его развития и текущей важности для экономики страны.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Мы показали, что дата присвоения Магадану статуса города, при всей ее внешней легитимности, отнюдь не бесспорна в качестве даты его основания. Напротив, мы усматриваем гораздо больше резонов признать таковой «первый забитый колышек», а именно дату закладки первых строений Восточно-Эвенской (Нагаевской) культбазы (23 июня 1929 г.). Культбаза явилась первым постоянным поселением на территории, входящей в состав современного Магадана. Спустя год строительство охватило правобережье р. Магаданка, вскоре оба поселения слились и образовали город Магадан. В создании культбазы и города существует историческая преемственность и непрерывность развития. Становление Магадана как вместилища городской инфраструктуры и среды, безусловно, было задано этим первоначальным импульсом «культбазовской» стратегии месторазвития, целью которой являлось радикальное преобразование природного и культурного пространства.

К тому же, при наличии управленческой воли населенный пункт может получить городской статус, отнюдь не обладая всей полнотой признаков города, что показывает история Хибиногорска. Магадан находился в очень близких, но все же несовпадающих условиях. По нашему мнению, более раннему обретению городского статуса здесь помешали политические и организационные процессы, связанные с созданием Охотско-Эвенского национального округа, а также разворачиванием деятельности треста «Дальстрой». Магадан, развивавшийся отнюдь не медленнее Хибиногорска, достаточно рано мог стать городом и в качестве окружного центра, и в роли «столицы» Дальстроя. Однако и культбаза изначально не была избрана центром округа, и округ просуществовал очень недолго. В свою очередь, руководство треста хоть и рассматривало Нагаевскую бухту в качестве опорной базы снабжения, административный центр края все же хотел видеть в глубине территории, а потому, видимо, больших усилий к официальному признанию города не прилагало. Следующий же этап острой борьбы за политическое влияние и институциональное доминирование в регионе пришелся на конец 1930-х гг., и именно эта схватка за власть увенчалась легитимизацией Магадана как города.

Поступила в редакцию 18.11.2022 г.

Поступила после доработки 08.12.2022 г.

ЛИТЕРАТУРА

- Болдырев С. В.* В Колымско-Индигоирской тайге. Москва ; Ленинград : Изд-во Главсевморпути, 1947. 144 с.
- Галченко И. И.* Геологи продолжают путь. Москва : Советская Россия, 1963. 136 с.
- Историческая* хроника Магаданской области. События и факты. 1917–1972. Магадан : Кн. изд-во, 1975. 340 с.
- Козлов А. Г.* К истории возникновения и развития Магадана (1929–1939 гг.) // Краеведческие записки. Магадан : Кн. изд-во, 1988а. Вып. 15. С. 3–30.
- Козлов А. Г.* Магадан: Годы и люди // Город у моря Охотского : Материалы к 50-летию Магадана. Магадан : Кн. изд-во, 1988б. С. 4–22.
- Козлов А. Г.* Магадан: история возникновения и развития. Ч. 1. (1929–1939). Магадан : СВКНИИ ДВО РАН, 2002а. 349 с.
- Козлов А. Г.* Магадан: предвоенное и военное время. Ч. 2. (1939–1945). Магадан : СВКНИИ ДВО РАН, 2002б. 477 с.
- Козлов А. Г.* Магадан: возникновение, становление и развитие административного центра Дальстроя (1929–1945). Магадан : СВКНИИ ДВО РАН, 2007. 306 с.
- Кочеров А. А.* Из истории основания Магадана. Воспоминания старожила // Краеведческие записки. Магадан : Кн. изд-во, 1959. Вып. 2. С. 106–109.
- Крам М. М.* Повседневность как предмет исторического исследования // История повседневности: Сборник научных работ. Санкт-Петербург : Европейский университет в Санкт-Петербурге, 2003. С. 7–14.
- Леонтьев В. В., Новикова К. А.* Топонимический словарь Северо-Востока СССР. Магадан : Кн. изд-во, 1989. 456 с.
- Магадан.* Конспект прошлого / сост. и авт. вступ. статей А. Г. Козлов. Магадан : Кн. изд-во, 1989. 286 с.
- Попова У. Г.* Эвены Магаданской области: очерки истории, хозяйства и культуры эвенов Охотского побережья 1917–1977 гг. Москва : Наука, 1981. 304 с.
- Прут А. А., Лебединцев А. И., Слободин С. Б.* Новые археологические памятники побережья п-ова Старицкого (Северное Приохотье) // Неолит и палеометалл Севера Дальнего Востока. Магадан : СВКНИИ ДВО РАН, 2006. С. 148–159.
- Советы Северо-Востока СССР :* сборник документов и материалов (1928–1940 гг.). Магадан : Кн. изд-во, 1979. 287 с.
- Сутормин С. О.* Концепция месторазвития евразийского аспекта в научном наследии Г. В. Вернадского и П. Н. Савицкого // Вестник Томского государственного университета. 2014. № 384. С. 126–131.
- Фетисов А. П.* Начальник «Большого комитета». Магадан : Кн. изд-во, 1974. 135 с.
- Хаховская Л. Н.* Чаунская культурная база: советский проект и его реализация // Диалог со временем. 2018. № 2. С. 300–313.
- Чуксина Е. Ф.* Восточно-Эвенская (Нагаевская) культбаза // Краеведческие записки. Магадан : Кн. изд-во, 1966. Вып. 6. С. 50–55.
- Цареградский В. А.* По экрану памяти: Воспоминания о Второй Колымской экспедиции, 1930–1931 гг. Магадан : Кн. изд-во, 1980. 168 с.

ON THE PROBLEM OF THE CITY OF MAGADAN FOUNDATING

L. N. Khakhovskaya

North-East Interdisciplinary Scientific Research Institute n. a. N. A. Shilo, FEB RAS, Magadan

The key events of the city of Magadan founding are considered. The theoretical base research is the history of everyday life and the concept of “place development”. The activities of organizations and personalities associated with the emergence of the first settlement on the shore of Nagaevskaya Bay are traced. The political motives for the creation and liquidation of local structures (East Evensk (Nagaeva) Culture Base, Ola-Seimchan District, Okhotsk-Evensk National District) are revealed. The activities of the Dalstroy Trust aimed in the development of the urban infrastructure are described. In fact, Magadan acquired an urban appearance no later than in the mid-1930s. However, the city status was officially recognized came only in 1939, which was a consequence of the political struggle for control over the Okhotsk-Kolyma region. The author comes to the conclusion that the act of granting Magadan the city status was an element of the political will, not the result of natural development. The most legitimate starting point for the foundation of Magadan is the “first hammered peg” at its current location.

Keywords: city of Magadan, date of foundation, Nagaev Bay, East Evensk (Nagaeva) Culture Base, Ola-Seimchan District, Okhotsk-Evensk National District, Dalstroy Trust, political struggle.

REFERENCES

- Boldyrev, S. V., 1947. In the Kolyma-Indigirka Taiga. Moscow-Leningrad, Glavsevmorput [In Russian].
- Chuksina, E. F., 1966. East Evensk (Nagaeva) Culture Base, *Krayevedcheskiye Zapiski*. Magadan. 6, 50–55 [In Russian].
- Fetisov, A. P., 1974. Chief of the “Big Committee”. Magadan [In Russian].
- Galchenko, I. I., 1963. Geologists Continue Their Journey. Moscow, Sovetskaya Rossiya [In Russian].
- Historical Chronicle of Magadan Oblast. Events and Facts. 1917–1972, 1975. Magadan [In Russian].
- Khakhovskaya, L. N., 2018. Chaun Culture Base: The Soviet Project and Its Implementation, *Dialogue with Time*. 2, 300–313 [In Russian].
- Kocherov, A. A., 1959. From the History of Magadan Founding : Memories of an Old Timer, *Krayevedcheskiye Zapiski*. Magadan. 2, 106–109 [In Russian].
- Kozlov, A. G., 1988. On the History of Magadan Emergence and Development (1929–1939), *Krayevedcheskiye Zapiski*. Magadan. 15, 3–30 [In Russian].
- Kozlov, A. G., 1988. Magadan: Years and People, *City by the Sea of Okhotsk : Materials for the 50th Anniversary of Magadan*. Magadan. 4–22 [In Russian].
- Kozlov, A. G., 2002. Magadan: The History of Origin and Development. Part 1. (1929–1939). Magadan, NEISRI FEB RAS [In Russian].
- Kozlov, A. G., 2002. Magadan: Pre-War and War Time. Part 2. (1939–1945). Magadan, NEISRI FEB RAS [In Russian].
- Kozlov, A. G., 2007. Magadan: The Emergence, Formation, and Development of the Dalstroy Administrative Center (1929–1945). Magadan, NEISRI FEB RAS [In Russian].
- Krom, M. M., 2003. Daily Routine as a Subject of Historical Research, *Daily Routine History: Collection of Scientific Papers*. St. Petersburg, European University at St. Petersburg. 7–14 [In Russian].
- Leontyev, V. V., Novikova, K. A., 1989. Toponymic Dictionary of the North-East of the USSR. Magadan [In Russian].
- Magadan. Synopsis of the Past, 1989. Magadan [In Russian].
- Popova, U. G., 1981. Magadan Oblast Evensk: Essays on the History, Economy, and Culture of the Sea of Okhotsk Evensk, 1917–1977. Moscow, Nauka [In Russian].
- Prut, A. A., Lebedintsev, A. I., Slobodin, S. B., 2006. New Archaeological Sites on the Coast of the Staritsky Peninsula (Northern Priokhotye), *Neolithic and Paleometallic in the North of the Far East*. Magadan, NEISRI FEB RAS. 148–159 [In Russian].
- Soviets in the North-East of the USSR : Collection of Documents and Materials (1928–1940), 1979. Magadan [In Russian].
- Sutormin S. O., 2014. The Concept of Topogenesis of the Eurasian Dimension in the G. V. Vernadsky and P. N. Savitsky Scientific Heritage, *Tomsk State University Journal*. 384, 126–131 [In Russian].
- Tsaregradsky, V. A., 1980. On the Screen of Memory: Memories of the Second Kolyma Expedition, 1930–1931. Magadan [In Russian].